

150 ТОЛКОВАНИЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ О НЕВЕРНОМ УПРАВИТЕЛЕ (ЛК.16:1-13)

Иеромонах Ириней (Пиковский)
(Москва, Сретенская духовная семинария)

Притча о неверном управляющем (Лк. 16:1-13) является одной из самых загадочных в Евангелии. Мы не можем утверждать, что до конца знаем исторический контекст, на который ссылается рассказчик. За что хвалят неверного приставника? Что это за «сыны века сего», которые догадливей, чем «сына света»? Недосказанное в Евангелии порождало и порождает различные экзегетические гипотезы. В настоящем исследовании будут рассмотрены четыре автора, которые используют методы толкования, характерные для своей эпохи: блаж. Феофилакт Болгарский, в экзегезе которого лежит традиция византийских отцов IV-XI века, свт. Феофан Затворник – классический русский экзегет XIX века, священник Сергей Пометнев и Ховард Маршалл, которые написали толкования для наших русско- и англо-говорящих современников.

Святые отцы древности редко прибегали к составлению пространных толкований на Евангелия. И если на Матфея и Иоанна все же какие-то систематические комментарии составлялись, то толкований на Луку до нас дошло меньше всего.

Одним из немногих византийских отцов, который составил подробный экзегезис на весь текст Евангелия от Луки является **блаженный Феофилакт Болгарский**. Касаясь интересующего нас отрывка, Феофилакт дает такой комментарий: «Не должно все части притчи изъяснять до тонкости, - пишет Охридский архиепископ, – но, воспользовавшись предметом, насколько прилично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целостности притчи, а с предметом не имеющие никакого соответствия... Ибо если мы возьмемся до тонкой подробности объяснять все, кто домоправитель, кто приставил его к управлению, кто донес на него, кто должники, почему один должен маслом, а другой – пшеницей, почему говорится, что они должны были по сто, и если все прочее вообще будем исследовать с излишним любопытством, то мы сделаем речь темной, причем, вынужденные затруднениями, может быть, дойдем и до смешных объяснений. Поэтому настоящей притчей должно воспользоваться столько, сколько можно» [1, с. 106].

Как видно, для блаженного Феофилакта данная притча – не реальная история, а – вымышленный рассказ, который прикровенно объясняет, как через благотворительность к нищим человек может приобрести Царство Небесное. Владыка Бог вручил нам имущество, которое нам не принадлежит. Если мы тратим его на свои прихоти, то мы – неразумны. Если же делимся богатством с братьями и сослужителями, раздаем милостыню, тогда по переселении из здешней жизни принимаемся в вечные обители. Это возможно в силу такого духовного правила: *«благотворящий бедному дает взаймы Господу»* (Притч. 19:17).

«Сыны века сего» – это те, которым вверено управление человеческими делами, *«сыны света»* – те, кто из любви к Богу должны «преподавать другим духовное богатство». Что это за «духовное богатство» - из рассуждений Болгарского архиепископа не ясно. Почему более догадливыми оказываются сыны века сего – это для Феофилакта звучит «неудобопонятно и странно» [2, с. 107].

В отличие от Феофилакта, **епископ Феофан (Говоров)** попытался восстановить исторический контекст притчи на основании логики, заложенной в самом повествовании. По мнению святителя Феофана, адресатом притчи были приходившие послушать Господа мытари (см. Лк. 15:1), которых Спаситель учил душеспасительному употреблению богатства. Главное лицо притчи – не хозяин имущества, а приставник, который вероятно был не из рабов, а из свободных граждан.

Из притчи не видно, злоупотреблял ли приставник имением до доноса на него или нет. Как считает Феофан, приставник раньше или вовсе не воровал, или все нажитое проматывал. После обвинения он осознал свою вину и ничего не сказал в свою защиту. Видимо преступление было очевидным, раз господин имущества не устраивает расследования, а сразу верит донесению на приставника: вместо пояснения совершившегося требуется сразу дать отчет в управлении и идти восвояси.

Размышления управляющего – «просить стыжусь» – говорят о том, что он был известен в округе. Придумав как избежать нищеты, приставник призывает должников хозяина и предлагает заменить закладные расписки. Вопрос: *«сколько ты должен господину моему?»* (Лк. 16:5) – риторический. И должник, и приставник знают сколько написано в расписке. Цель вопроса – подчеркнуть суть «неправедности» управителя. Заменяя закладные записки, приставник предполагает, что таким поступком он может заслужить возможность быть принятым на работу в дома должников (Лк. 16:4). Он не говорит много, дело совершается быстро, все всё понимают без лишних слов. Видимо, приставник полностью рассчитался с хозяином и уже был принят в дома должников раз господин имущества хвалит его за сообразительность (Лк. 16:8).

«Сыны света» и *«сыны века сего»* различаются, по святителю Феофану,

по признаку веры в Бога: первые в Бога верят, вторые – нет. «Сыны света» – это те, которые «веруют в свет» (Ин. 12:35-36). Они переходят из тьмы века сего в свет (Еф. 5:8; Деян. 26:18), становятся и сами «свет в Господе» (Еф. 5:8), сынами света и сынами дня (см. 1 Фес. 5:5). «Сыны века сего» – люди, прилепленные к земле, которые в первую очередь заботятся о земельных наделах, волах, женитьбе (Лк. 14:18), Царствия Божия и правды его они не ищут (Мф. 6:33), «забота века сего и обольщение богатства» заглушают их высшие потребности (Мф. 13:22), их ум сообразовался с веком сим (Рим. 12:2), «сына века сего» живут как безбожники (Еф. 2:12).

«Сыны света» мудрее в отношении попечения о чистоте сердца и высокого призвания. «Сыны века сего» догадливей и проворнее в мирских делах. Если же «сыны света» начинают предаваться беспечности и нерадению, то становятся неразумнее мирских людей, и вместо того, чтобы стать причастниками мессианских обетований изгоняются вон (Мф. 8:12).

Поскольку фарисеи, по мнению святителя Феофана, применяли термин «сыновья света» к себе, они после произнесения притчи возроптали (Лк. 16:14). Именно им, фарисеям-сребролюбцам, а также мытарям и Иуде Господь дал наставление: «приобретайте себе друзей богатством неправедным» (Лк. 16:9). «Богатство неправедное» – не обязательно нажитое нечестно. Это может быть недостаток больше необходимого, избыточная зажиточность. Богатство потому *неправедно*, поскольку в нем нет истины, оно запутывает в неправду всех, кто на него чрезмерно полагается.

В отношении друзей, которые принимают «в вечные обители» когда обнищаете (Лк. 16:9), святитель Феофан дополняет блаженного Феофилакта Болгарского. Это не только нищие, на которых может быть растрчено имущество, но и ангелы, обитающие на небесах. «Словами *приобретайте себе друзей богатством неправедным* Господь заповедует, чтобы мы щедродательностью к бедным стяжали себе содружество ангелов и других святых» (свт. Амвросий Миланский) [2, с. 20-21]. Бедные – не самоцель, они - посредники в приобретении друзей-ангелов на небе. Нищие просят у Бога милости и облегчения страданий. Чтобы им помочь, Бог посылает на землю ангелов. Ангелы влагают добрые мысли в сердца благотворители, которые помогают бедным людям и тем самым благотворители как бы выполняют обязанность ангелов. Так благодетели становятся друзьями ангелам [2, с. 24-25]. Поэтому, пользуясь именем от Бога, мы как неправедный домоправитель, призваны истощать все силы души на других «должников», чтобы, когда истощатся наши силы и жизнь, быть принятыми в вечные кровы обителей Отца небесного (Ин. 14:2).

Итак, стиль комментариев святителя Феофана, как и приоритеты в

исследуемых деталях, подобны блаженному Феофилакту. Примерно те же рассуждения мы можем найти у Дмитрия Боголепова, священника Павла Матвеевского, архиепископа Аверкия (Таушева) и других отечественных составителей учебников XIX – начала XX века.

В 2012 году священник **Сергей Пометнев** попытался дать свежий взгляд на притчу о неверном управляющем. Как и дореволюционные экзегеты, он усматривает в притче два идейных пласта: исторический и духовный. Однако, помимо традиционных вариантов толкования, он предлагает и свои оригинальные решения. За образом управляющего священник Сергей видит не мота и расточителя, а - верного и благоразумного пастыря Божия [3]. За словом «маммона» - не только богатство, но и - ветхозаветный закон [4]. В статье Пометнева видна адаптация лексики к современным представлениям о финансово-хозяйственных отношениях. Так, Господин проводит «ревизию имущества на соответствие доходов расходам», а управляющий сверяет с должниками деловые контракты.

По мнению Пометнева, почти весь текст притчи от слов «*что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом*» до «*возьми твою расписку и напиши: восемьдесят*» (Лк. 16:3-7) является монологом одного лица, отчетом управляющего в офисе господина. Управляющий, который только приступил к делу, дает объяснение об уже предпринятых им мерах по приобретению друзей. Поэтому, господин не учиняет никаких расследований, а выслушав сообразительного менеджера хвалит его за сообразительность.

Новизной в исследовании Сергея Пометнева является сличение русского текста Евангелия с греческим и славянским. При этом синодальный перевод нередко подвергается критике. Так, выражение «*приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители*» (Лк. 16:9) у священника Сергея получает оригинальную редакцию: «*...приобретайте себе друзей от закона, чтобы они, когда затмится (исчезнет [закон]), приняли вас в вечные обители*». Чтобы получить такой перевод, Пометнев приводит ряд святоотеческих цитат и богословский анализ параллельных мест из посланий апостола Павла. Но при этом этимологию слов он исследует по цитатам из дореволюционных авторов (свт. Филарет (Дроздов), Б.И. Гладков, А.П. Лопухин) и Толковому словарю Даля, а не по специализированным лингвистическим словарям как Liddell-Scott, TDNT, BDAG Lexicon и т.д.

Какую версию греческого текста Пометнев использует в своем исследовании – в его статье не указано. В критических изданиях Нестле-Аланда греческое слово ἐκλείψω (истощаться, не хватать, подходить к концу) действительно употреблено в дательном падеже (ἐκλείψῃ, BNT) и поэтому может соотноситься со словом «богатство»/«закон»

(приобретайте друзей... когда богатство/закон... исчезнет). Но в византийских рукописях употреблен иной, родительный, падеж (ἐκλήλητε, ВУЗ), который вполне соответствует синодальному переводу *(приобретайте друзей... когда обнищаете)*. Так, критикуя синодальный перевод священник Пометнев опирается всего на несколько славянских рукописей и неизвестный греческий источник, а не на свидетельства конкретных греческих рукописей.

Обличая «вольные вставки» в священный текст дореволюционных коллег (Буткевич, Гладков и др.)¹, священник Сергей и сам порой пускается в «вольные вставки», поскольку не имеет в своей доказательной базе надежного текстологического фундамента. Отсюда, видимо, и противоречивые выводы: «Мы не можем быть совершенно уверенными в истинности приведенного нами толкования, равно как и всех предыдущих попыток экзегетов раскрыть смысл притчи о несправедном управителе. Тем не менее, Церковь Христова, ведомая в этом мире Духом Святым, верно определила и усвоила учение Спасителя» [4]. Двусмысленность выводов, возможно, продиктована осторожностью современного православного исследователя при высказывании новаторских идей, которые не всегда согласуются с дореволюционным подходом к изучению Священного Писания.

Подобной скованности в рассуждениях лишена современная западная библеистика, которая зачастую не привязывается догматическим установкам одной конфессии. Иностранные исследователи в первую очередь задаются целью прочитать исходный текст по первоисточникам, анализируют употребление ключевых слов в разных языковых культурах, привлекают данные из археологии и небиблейских источников, исследуют – как связан исследуемый фрагмент текста с богословскими задачами евангелиста-автора, каков характер жанра и христологии отрывка. И только затем – выводы в отношении нравственного приложения.

Так, **Ховард Маршалл** стих-за-стихом разбирает слова данного Евангельского повествования по разным рукописям, приводит порой диаметрально противоположные точки зрения современников (Derrett, Fitzmyer, Preisker и др.). Во всей 16 главе Евангелия от Луки он видит общую богословскую идею: предостережение против обольщения богатством [6, с. 613]. Но выбор в отношении интерпретации деталей он оставляет на суд читателей.

Хотя весь текст 16 главы связан ключевыми словами (богатство,

¹ В своих рассуждениях священник Сергей Пометнев критикует почитаемых им святых отцов: «святые отцы уклонились от детального толкования притчи, что в свою очередь, вопреки их желанию, как раз и породило множество по большей степени темных, порою смешных, а иногда просто фантастических толкований» [3].

маммона), некоторые стихи словно вставляются в общую цепь повествования (Лк. 16:13, 16, 17, 18). Это наталкивает Маршалла на мысль, что текст 16 главы содержит вставки из источника Q. Следовательно, автор-редактор как-то увязывал повествования этой главы с иными частями третьего Евангелия.

На основании параллельных мест можно утверждать, что стихи 16:1-7 безусловно принадлежат Господу, в то время как стихи 16:8a, 8b и 16:10-13 – это уже первый и второй комментарий автора Евангелия на слова Иисуса. Если в отношении 16:8a есть убедительные «за» и «против» – принадлежат ли данные слова устам Иисуса или нет, то стих 16:8b – это уже, по Маршаллу, прибавление к словам Христовым.

Отрывок 8b основан на палестинском контексте. Семиты употребляли выражение «сыны» (οἱ υἱοί) для обозначения принадлежности к определенной группе людей (см. Лк. 10:6) [TDNT VIII, с. 365]. Фарисеи, с которыми чаще всего спорил Господь, не называли себя «сынами света» (здесь Маршалл дает диаметрально противоположное толкование святителю Феофану Затворнику), в то время как обитатели Кумрана часто применяли данное обозначение к себе (1QS 1:9; 2:16; 3:13, 24f; 1QM 1:3, 9, 11, 13) [6, с. 622]. Кумраниты отделяли себя от «людей века сего», считая себя призванными быть чадами Царства Божьего света. При таком прочтении отрывка Лк. 16:8b-9, выражение «маммона неправедности» (μαμωνᾶς τῆς ἀδικίας, BNT) относится не к раввинистическому представлению об «имуществе, приобретенном мошеннически» (*māmōn sēl sēqer*), но к идеям из рукописей Кумрана, по которым «мирское богатство» (*māmōn hōn hārīsāh*, CD 6:15; ср. 1QS 10:19) противопоставляется «небесным сокровищам».

Что стоит за «друзьями», которые могут приять в свои «вечные дома» – остается не ясным. Может, это ангелы, которые выполняют волю Божию (Лк.12:20)? Может, это получатели милостыни, как ходатаи пред Богом (1Енох.39:4f)? Может это сама милостыня, которая персонифицируется как личность (ср. Пирке Абот. 4:11; Пеа. 4:21)? «Вечные дома» (αἰώνιους οἰκνάς, BNT) – это в любом случае указание на место особого присутствия Божия. Следовательно, кого бы мы ни понимали под «друзьями», целью расточительства своих сокровищ будет приобретение место обитания у Бога, а не внешняя демонстрация благотворительности.

После притчи следует назидание ученикам быть верными служителями в доме Божиим (Лк. 16:10-13). Все управляющие призваны быть верными (πιστός, Лк. 12:42; 19:17; 1 Кор. 4:2). Мотив верности учеников Господа строится на контрасте: управляющий из притчи не был верен, от апостолов требуется верность. В игре слов «маммона» и «верность», как полагает Маршалл, звучит их противопоставление [6, с. 623]. Неверность (Лк. 16:8),

неправедность (16:11; 18:11; Деян. 24:15; Мф. 5:45) – характеристика земных людей, нечестных и ненадежных. Управляющему из притчи было вверено богатство земное, апостолам вверяется небесное (истинное, ἀληθινός, Лк. 16:11). Если ученики Господа не покажут себя верными в управлении малым, то кто им вверит великое (ср. Лк. 19:17, Мф. 15:21)?

Слова *«если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?»* (Лк. 16:12), по мнению Маршалла, имеют параллели с межзаветным апокрифом «История об Ахикаре». В этой истории, в чем-то напоминающей книгу Товит, некий Надан после совершенного им преступления против отца, просит его о милости. Его отец Ахикар отвечает на просьбу так: «если ты не был усердным в том, что является твоим, как ты будешь усердным в том, что не является твоим?» (Ahikar 8:35) [7, с. 773]. Этот принцип повторяет ап. Павел в наставлении Тимофею: *«кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пеищись о Церкви Божией?»* (1Тим. 3:5). Одинаковые на первый взгляд фразы из Евангелия и из апокрифа имеют совершенно противоположное значение. Слова Ахикара – это обычная житейская мудрость: если ты хорошо управляешь своим хозяйством, тебе могут доверить управление имуществом других людей. Иисус же устанавливает совершенно иную перспективу: все, что у тебя сейчас есть на земле – это «чужое» (ἀλλότριος), «своим» же является лишь то, что дается от Бога (на это указывает местоимение τίς).

Варианты толкования притчи о неверном управителе можно продолжать до бесконечности. Австралийский профессор Уильям Лоадер насчитывает более 150 современных толкований на данную притчу. Он считает, что за образом управляющего может стоять не только ищущий спасения христианин, который должен приобретать себе друзей на небесах как находчивый управляющий, но и Сам Христос, Который берет на Себя расписки наших грехов, чтобы уменьшить наш долг перед Отцом небесным [5].

Общим итогом наших рассуждений будет приглашение присмотреться повнимательней к современным иностранным исследованиям, которые используют последние достижения в области текстологии, кумранологии и археологии, и предлагают не один, а много вариантов толкования на тот или иной отрывок. И там, где святые отцы древности отказывались давать какой-либо ответ, а дореволюционные исследователи пытались вывести одно единственно правильное учение, современные авторы могут предложить целую палитру мнений. Тем самым появляется повод для нового прочтения Евангелия, этот текст снова становится актуальным и интересным, а у церковных пастырей появляются свежие идеи в отношении нравственных приложений.

Условные сокращения

BDAG Lexicon	-	A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature / Ed. by Danker F.W. – Chicago: The University of Chicago Press, 2000.
BNT	-	Nestle-Aland, Novum Testamentum Graece, 28th Revised Edition / Ed. by Barbara and Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, and Bruce M, Metzger. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.
BYZ	-	The New Testament in the Original Greek. Byzantine Text Form / Ed. by Maurice A. Robinson and William G. Pierpont. - Southborough, MA: Chilton Book Publishing, 2005.
Liddell-Scott	-	A Greek-English Lexicon / Ed. by Liddell H., Scott R., Jones S. and McKenzie R. – Oxford: Clarendon Press. 1889.
TDNT	-	Theological Dictionary of the New Testament / Ed. by Kittel G., Bromiley G. W., Friedrich G. - Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1964.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феофилакт Болгарский, блаж. Толкование на Святое Евангелие. Т. 2. – М.: Сибирская Благовонница, 2010.
2. Феофан (Говоров), еп. Разрешение недоумений при чтении притчи о неправедном приставнике (Лк.16:1-13) и обетования тем, кои все оставят ради царствия Христова (Мк.10:29-30). - М.: Изд-во Афонского Русского Пантелеимонова Монастыря, 2006.
3. Пометнев Сергей, свящ. Приставник или управитель? (Лк.16,1-17) // Богослов.Ру – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2783808.html>.
Дата обращения: 5.10.2016.

4. Пометнев Сергей, свящ. Приставник или управитель? Часть II. Мамона неправды // Богослов.Ру – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2863586.html>. Дата публикации: 5.10.2012.
5. Loader, William. History and Theology in the Gospel of Luke // Доклад на Седьмом Восточно-Западном симпозиуме исследователей Нового Завета «История и богословие в Евангельских повествованиях» - Москва, ОЦАД, 26.09-1.10.2016.
6. Marshall, I. Howard. The Gospel of Luke: A Commentary on the Greek Text. - Exeter: Paternoster Press, 1978 (New International Greek Testament Commentary).
7. Pseudepigrapha of the Old Testament / Ed. by Robert Henry Charles. Vol. 2. - Oxford: Clarendon Press, 1913.